ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1839—1869 гг.

ПИСЬМА ОГАРЕВА к Н. В. АЛЬБЕРТИНИ, ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ, ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ, Н. А. МИЛЮТИНУ, НЕИЗВЕСТНОМУ, М. Л. ОГАРЕВОЙ, РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GIOVENTÙ», Евд. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ

ИЗ ПИСЕМ К М. Л. ОГАРЕВОЙ

Публикация Е. Рудницкой

Публикуемые выдержки из писем Огарева к М. Л. Огаревой извлечены из его обширного эпистолярного дневника за март—апрель 1839 г., адресованного жене. Хранится этот дневник в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском доме). До сих пор из него были опубликованы всего два письма да и то не полностью: письмо от 21 марта и часть письма от 13—14 апреля («Вестник Европы», 1907, № 10). Написаны все они в рязанском имении Огарева — Верхний Белоомут; Огарев приехал туда, чтобы решить вопрос о дальнейшей судьбе принадлежавших ему крепостных крестьян.

После смерти отца в ноябре 1838 г. Огарев оказался владельцем около 3000 «ревизских душ» крестьян. Вопрос о том, как распорядиться их дальнейшим устройством, стал перед ним со всей остротой. В поисках более быстрого и радикального решения вопроса он пришел к мысли сначала освободить, на основании закона 1803 г. «О вольных хлебопашцах», крестьян своего самого большого рязанского имения — Верхний Белоомут (1820 ревизских душ), с тем, чтобы полученные при выкупе их средства обратить на устройство малоземельных крестьян своих других имений (Орловского — 521 ревизская душа и Пензенского — 500 ревизских душ).

Это бывшее «государево дворцовое ловецкое село», расположенное недалеко от Рязани, на реке Оке, было пожаловано Екатериной II камер-юнкеру и лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручику Михаилу Баскакову в благодарность за помощь при «восшествии на престол». Михаил Баскаков — дядя матери Огарева, Елизаветы Ивановны Баскаковой. В этом имении были лучшие в Рязанской губернии заливные луга, прекрасный строевой лес, выгонная и усадебная земля, рыбные ловли и прочие угодия — всего 8127 десятин.

К концу тридцатых годов XIX в. процесс классового расслоения среди крепостных крестьян огаревской вотчины зашел уже очень далеко. Выделившаяся зажиточная верхушка, уплачивая за бедняков все повинности, фактически распоряжалась их надельными землями и угодьями. Деятельность этих крестьянских воротил простиралась далеко за пределы села. Как указывает рязанский этнограф В. Влазнев, Огаревы «многих своих крестьян принимали на службу по винно откупному делу и платили им большое жалованье, а некоторые крепостные на имя Огаревых заключали контракты по откупу, подрядам и другим делам, вследствие чего многие крепостные приобрели большое состояние и были откупщиками сами» («Труды Рязанской ученой археографической комиссии», т. V, вып. 2, 1894, стр. 122). Таким образом, некоторым из крестьян огаревской вотчины удавалось обходить ограничения крепостного права; оставаясь крепостными, они становились владельцами огромных состояний. Иные из них, еще при жизни Платона Богдановича Огарева, добились (вероятно за большие суммы) выкупа из крепостного состояния. Несколько семей, в том числе дворовых людей, освободил сам Николай Платонович, ставший

формально владельцем Верхнего Белоомута с момента своего совершеннолетия. Задумав после смерти отца освободить всех крестьян Рязанского поместья, Огарев решил применить тот из вариантов закона «О вольных хлебопашцах», на основании которого земля распределялась между крестьянами по числу душ (другой вариант закона — по количеству выкупа, внесенного каждым). Огарев полагал, что общинное устройство при обилии земли и богатых природных условиях будет гарантией обеспеченного существования освобожденных крестьян.

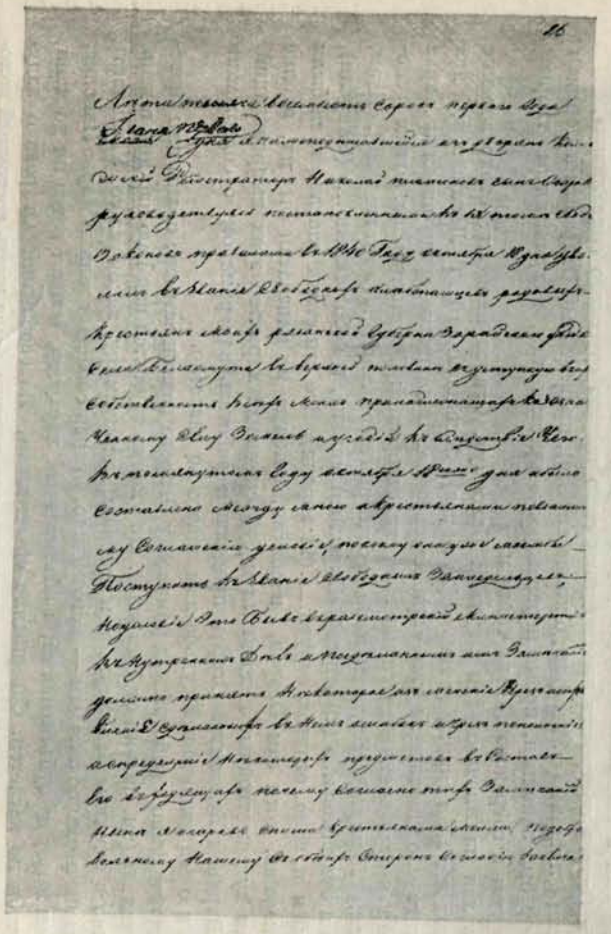
Пользуясь в период ссылки предоставленным ему правом посещать свои имения, расположенные в других губерниях, он и отправился с этим планом в марте 1839 г. из Пензы в Рязань. Вместе с ним поехала Марья Львовна. Она намеревалась побывать в Москве, а если нужно будет — и в Петербурге, чтобы ускорить начатые Огаревым (не без ее давления) в январе 1839 г. хлопоты о разрешении ему переехать на службу в Москву, т. е. возвратиться из ссылки. По дороге Огаревы заехали во Владимир к Герцену. Свидание состоялось 15 марта. Это была первая встреча друзей после четырех лет ссылки. Об этой встрече Герцен рассказал в «Былом и думах», как об одном из самых поэтических моментов их дружбы. Еще во Владимире Огарев написал стихотворение «Марии, Александру и Наташе», посвященное встрече, а несколькими днями спустя, уже в Верхнем Белоомуте,— стихотворение в прозе «Три мгновения».

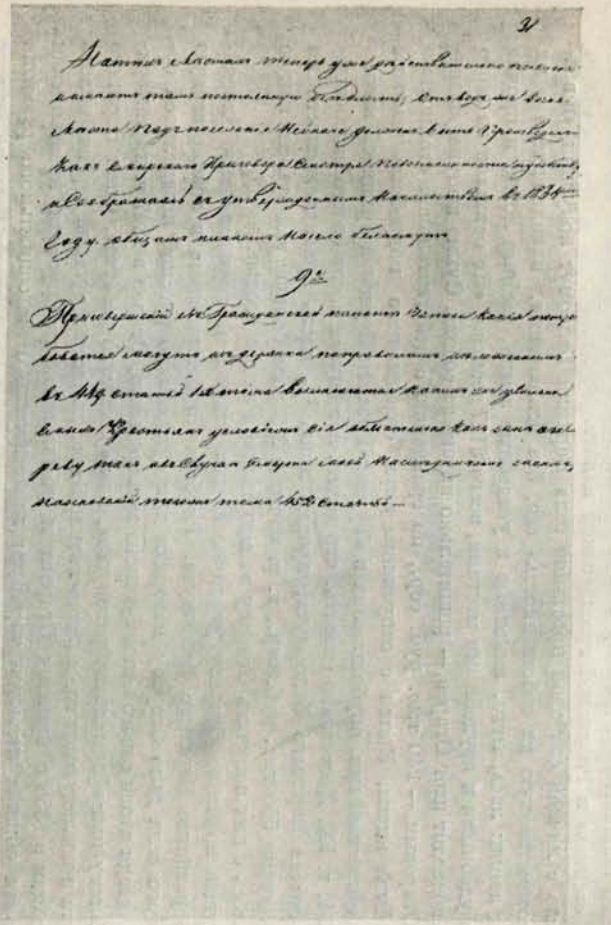
Выехав вместе из Владимира, Огарев с женой расстались по дороге. По приезде в Верхний Белоомут Огарев сразу же начал писать к Марье Львовне (иногда он брался за перо по нескольку раз в день), описывая ей все свои дела, сомнения, творческие замыслы, а также уделяя много места философски-нравственным рассуждениям, обращенным к Марье Львовне: в это время в отношениях Огарева с женой назревал кризис, вызванный все более очевидным равнодушием Марьи Львовны к его идейным устремлениям.

* * *

Несомненный интерес эти письма представляют в той части, где речь идет об освобождении белоомутских крестьян, подготовлявшемся Огаревым. В Верхнем Белоомуте, где Огарев провел несколько месяцев еще в 1837 г., он впервые практически столкнулся с жизнью крепостного крестьянства, с хозяйственной и общественной организацией деревни, с сущностью русской поземельной общины. Огарев глубоко проник в характер экономических взаимоотношений белоомутских крестьян и понял всю сложность предпринимаемого им дела, усугублявшуюся, как уже не раз отмечали исследователи, упорным противодействием жены. Настояния Марьи Львовны привели к тому, что денежный выкуп, вообще обычный в то время, становился непременным исходным условием освобождения крестьян Белоомута. Но этим далеко не исчерпывались трудности, возникавшие при осуществлении задуманного Огаревым плана. Приехав в Верхний Белоомут с намерением освободить всех белоомутских крестьян и убедившись, что обнищание большинства зашло уже далеко, Огарев размышлял над тем, освободить ли десяток самых зажиточных семейств, чтобы, заведя фабрики, использовать полученные деньги на улучшение благосостояния бедняков, или же за определенный выкуп отпустить на волю всех крестьян села Верхний Белоомут? Огарев склонялся ко второму решению, не снимавшему, впрочем, глубоких противоречий, скрытых и в замысле и в способах осуществления проекта. Ему было ясно, что при том глубоком экономическом расслоении, которое произошло в среде белоомутских крестьян, бедняцкое большинство не сможет внести причитающуюся сумму выкупа и неизбежно попадет в кабалу к богатеям, которые за них заплатят. Возникал вопрос, как обеспечить бедняков? Огарев полагал, что выход возможен, если оградить интересы бедняков, с одной стороны, формально-правовым путем, обязав их сохранить общинное землевладение и самоуправление, а с другой — выделить в подворную наследственную собственность луговые угодья, представлявшие главное богатство Верхнего Белоомута. Такой договор должен был, на взгляд Огарева, обеспечить бедняцким хозяйствам прочную материальную базу.

Переговоры между Огаревым и крестьянами весной 1839 г. во время его пребывания в Верхнем Белоомуте не закончились. Они продолжались в Москве, куда Огарев





ПРОЕКТ ДОГОВОРА ОГАРЕВА ОТ 1-го ИЮНЯ 1841 г. С КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛА ВЕРХНИЙ БЕЛООМУТ, ОТПУЩЕННЫМИ ИМ НА ВОЛЮ

Копия неизвестной рукой. Листы первый и последний

Центральный литературный архив, Москва

переехал летом 1839 г., причем ему приходилось все так же преодолевать упорное сопротивление жены. Договор на изложенных выше началах был заключен в октябре 1840 г. и после долгих бюрократических отяжек утвержден в 1842 г. царем.

Однако окончательно договор вошел в силу только в 1846 г., когда была совершена «запись» в Рязанской гражданской палате.

Вместе с личной свободой крестьяне села Верхний Белоомут получили «в вечную и потомственную их собственность» все, без исключения, находившиеся в их владении земли: леса, луга, выгонные и усадебные земли, рыбные ловли и прочие угодья с удобными и неудобными местами, всего 8127 десятин. «Не оставляя из всего этого,— подводит итог Огарев,— решительно ничего за собой». Сумма выкупа, назначенная Огаревым,— 240 тыс. руб. сер., по сравнению с действительной стоимостью земель, была низка. Копия с отпускного акта, содержащего подробные расчеты Огарева с крестьянами, опубликована в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии», 1894, т. IX. Достаточно сказать, что десять лет спустя после своего освобождения крестьяне Верхнего Белоомута, продав лишь $^1/_5$ часть принадлежавшего им леса, получили 550 тыс. руб. сер., т. е. почти в 2,5 раза больше той суммы, какую причиталось с них получить Огареву за всю землю и за все угодья.

Будущее показало Огареву утопичность его надежд на гармоническое хозяйственное развитие Верхнего Белоомута. Глубокое проникновение в хозяйственную жизнь этого села дало Огареву материал для суждений о русской поземельной общине. Подводя итоги своего белоомутского эксперимента, Огарев в 1847 г. характеризовал общину как «формальное равенство», как «равенство рабства». Опыт Верхнего Белоомута и последующие годы хозяйственной деятельности в русской деревне вплоть до эмиграции в 1856 г. привели Огарева к убеждению, что русская крестьянская поземельная община является тормозом экономического и социального развития России. Дальнейшая эволюция взглядов Огарева привела его, как и Герцена, к вере в общину как в социалистическую форму народного самоустройства. На этой вере Герцен и Огарев построили впоследствии свою теорию «русского социализма».

Месяц с лишним (с 21 марта до конца апреля), проведенный Огаревым в Верхнем Белоомуте, был заполнен, кроме переговоров с крестьянами, напряженным творческим трудом и сосредоточенным чтением.

Приехав из Владимира в Верхний Белоомут, Огарев написал стихотворение «Я с юных лет знал тяжкие гоненья» (23 марта), посвященное Е. Г. Левашевой, а два дня спустя упоминавшиеся уже «Три мгновения». В дневнике среди писем к Марье Львовне за этот месяц находятся еще пять стихотворений: «Расстались мы, но еще в сновидении...» (25 марта), «Блуждал народ в безверьи и сомненьи...» (в тот же день), «Итак, с тобой я буду снова...» (29 марта), «Скрылося солнце, и небо темнело...» (5 апреля), «Ну, лейся ж, вино, огневою струей...» (11 апреля). Все эти стихи впоследствии были опубликованы, хотя сам Огарев, вероятно, никогда не напечатал бы их, вполне сознавая художественные недостатки и субъективный характер этих импровизаций.

В Верхнем Белоомуте Огарев продолжал работать над романом; о содержании романа и о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

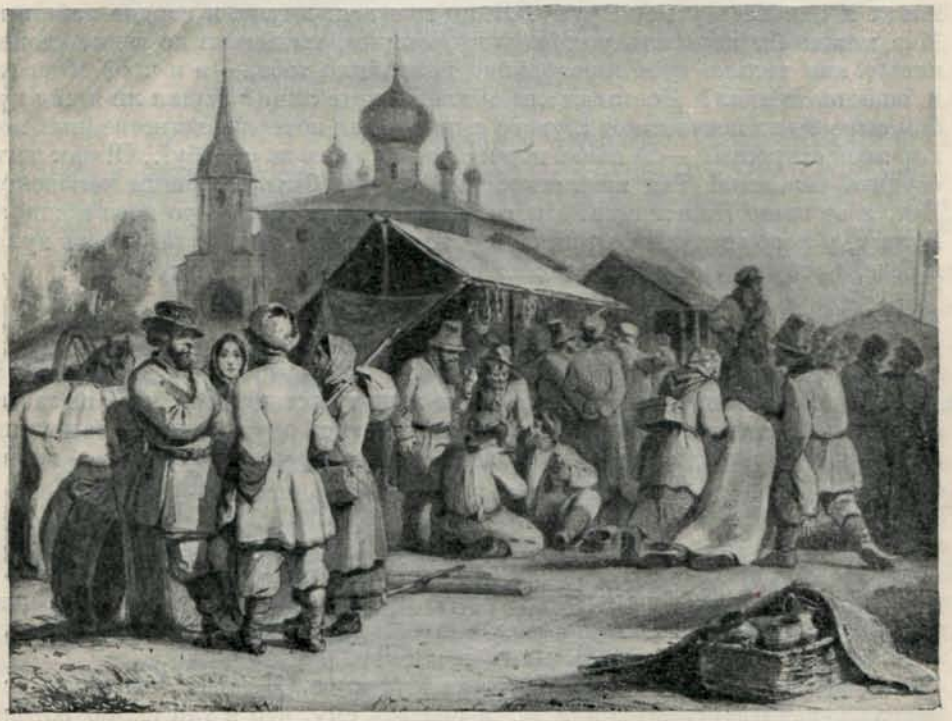
Одновременно с работой над романом у Огарева возник замысел поэмы или «повести в стихах» (см. письмо от 7 апреля). Он упорно трудился над нею изо дня в день, пока жил в Верхнем Белоомуте и, в основном, повидимому, закончил ее. Установить содержание поэмы по письмам — невозможно. Огарев сообщает только Марье Львовне, что поэма имеет не субъективный, а объективный характер, «сюжет вовсе ни до меня, ни до тебя не касается. Совершенно объективен». Из сообщений Огарева о задуманной поэме можно сделать еще вывод, что она должна была иметь восточный колорит. Судьба этого произведения неизвестна.

Публикуемые выдержки составляют небольшую, но наиболее интересную часть эпистолярного дневника Огарева за март — апрель 1839 г.; они содержат новые данные для суждения о том, чем был занят Огарев в самый канун возвращения из ссылки. Они дают возможность представить себе круг умственных и литературных интересов Огарева, его творческую работу и, в первую очередь, предпринятую им подготовку к освобождению крепостных крестьян.

1

⟨Белоомут.⟩ 23 марта ⟨1839 г.⟩

...Потом был у меня с визитом староста с Нижней половины. Ты его знаешь. Он больше часу говорил без умолку. Смотрели мы планы и разговаривали о межеванье и о новом соседе Алифанове[1], который купил тепловских крестьян и в наш мирный Белоомут занес воинскую удаль выслужившегося солдата. Нечего и говорить, что это время было проведено глупо и скучно. Потом я стал читать Гегеля (Barchou de Penhoên)[2] и прочел весь очерк системы. Много тут сходного с моими мыслями. Удивлялся я строгим логическим выводам Maestro философии. Но холоден



СЕЛЬСКИЙ БАЗАР
Сепия А. Ф. Чернышева, 1851 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

показался он мне. В его мире нет любви. А без любви что же за мир? Потом я написал стихи Е. Г. Л.[3] и со временем их тебе доставлю. Тут сердце согрелось. Какой-то неземной мир пролетел надо мной, и вот я стал писать к тебе. Надо было согреться после холодного Гегеля, чтоб говорить с милой.

2

⟨Белоомут.⟩ 27 марта ⟨1839 г.⟩

Вечером у меня был священник с Нижней половины — отец Надеждина[4]. Это посещение мне растрогало душу. Старик, простой мужик, необразованный человек, но умный старик и благородно чудный человек в иных случаях, т. е. в денежных. Трудами наживал он с малолетства, не хочет пользоваться незаслуженным, а между тем несчастье гнетет его.

Во всю мою жизнь, сказал он мне, не знал минуты радости, и горько заплакал, и я заплакал. Вообрази себе этого седого старика, большого роста, с седою бородой, резкими чертами лица (сын ужасно похож на него), который весь век провел в суровых работах, но так удручен горем, что плачет, как ребенок,— это ужасно. Стал он мне рассказывать о сыне, о том, как пострадал он, стал плакать, говорить, как он, отец, чуть-чуть тогда не умер. О! как это меня встревожило. Вспомнил я моего отца, вспомнил, как он должен был страдать во время оно, — и я заплакал.

Стал он мне потом рассказывать, как умер отец Василий, его зять, помнишь — мы у него были в гостях — стал просить о своих внучатах, чтоб я не оставил их в случае нужды. О! ты не можешь себе представить, какое влияние произвела на меня эта сцена. Когда этот старик со мной прощался, он хотел поцеловать у меня руку. Лицо мое вспыхнуло, и сердце забилось. Мне можно бы целовать у тебя руку, старик, ты дожил до седин, дожил чисто, как только твое образование позволяло тебе, — а я что? Много ли я еще выстрадал? Доставал ли я хлеб в поте лица? Рыдал ли я над гробом сына и над несчастием другого сына — над потерею единственных подпор моей старости? — А я еще подчас ропщу на свою судьбу!.. О! как легко осудить человека! Так же легко, как трудно быть хорошим человеком! Нет, я не виню Надеждина. Много, кажется, говорили про него ложного. А тому, у кого есть отец, отец, которого он любит, трудно не упасть духом в беде, которая этому отцу может отворить двери в могилу.

3

⟨Белоомут.⟩ 8 час. утра 28 числа ⟨марта 1839 г.⟩

...Я теперь пишу свой роман, но на минуту оставил его, чтоб не забыть сказать тебе слова старика Надеждина: берегись около воды — замочишься; берегись около огня — обожжешься; берегись около царя — голова слетит.

4

Белоомут. 3-го апреля ⟨1839 г.⟩

...Сейчас я писал преудивительную просьбу на Алифанова губернатору. Вообрази, этот негодяй в церкви избил Дему[5] чуть не до полусмерти, оттого, что не любит видеть Дему в церкви.

...Говорят, Эрн[6] ждет моего ответа в Москве. Нельзя ли его отыскать через Луизу Иван⟨овну⟩[7] или N.[8] и сказать ему, что я так скоро не могу еще ничего сказать, и что я напишу письмо об управлении моим именьем к А⟨лександру⟩[9], которое увидев, он и скажет да или нет.

5

⟨Белоомут.⟩ 4 апреля ⟨1839 г.⟩

11½ часов. Сейчас были у меня старики из крестьян. Они узнали о моем большом намерении[10] и приходили благодарить и кланялись в ноги, а мне было страх совестно, особливо когда 90-летний Набатов, который едва на ногах стоит, упал в землю передо мной — молокососом. Я вспыхнул, и мороз пробежал по коже... Они обещаются хлопотать, чтоб дело кончилось. Из этого следует только то, что 20 т., о которых я говорил, у меня теперь не будет, а надо дом продать. Скажи Сысонину[11], что я его за 30 т. асс. уступаю.

9 часов вечера

Всё ездил с визитами. Скучно ужасно. Везде все говорят об Алифанове и об Деме. Точно Пенза: всё сплетни. Попов это ужасно занимает. Познакомился с здешним благочинным, который протопоп на Нижней половине.

Он говорит точно семинарист риторического класса. Один только визит к старику Набатову был мне по сердцу. Этому человеку 80 лет. Он живет, как и прежде, с своими внучками и любуется на них. Читает церковные книги, наделяет нищих из доходов, что получает от маленького торга скотом — и все его благословляют. Знаешь ли, что эти люди достойны быть выставлены в романе. Гоголя старосветские помещики не большего заслуживают внимания. Да они и похожи на них. Набатов прожил со своею женою 60 лет душа в душу. Эти картины простого скромного быта, право, лучше всех картин Бальзака. Его 30-летние женщины ничего не значат против простой старухи, которая безмятежно прожила 80 лет с полной любовью к ближнему. Да! они лучше всех этих раздушенных 30-летних дам с их пышными будуарами, изысканным разговором. Что они ни делай, все они холодные эгоистки только.— Я выдумал удивительный способ окончить *большое дело*, и оно непременно таким образом состоится.

6

⟨Белоомут.⟩ Апреля 6-го ⟨1839 г.⟩

Сидел у меня с час старик Надеждин. Этот человек в самом деле очень несчастен. Сын далеко, зять умер, жена пьяница. Он беспрерывно плачет и всегда наводит на меня печаль. Но я этой печали не боюсь — она происходит от сострадания; стало быть, в ней нет эгоистического чувства...

10 час. вечера

После обеда я спал мертвым сном целый час. Не брани меня. Это случилось не нарочно. Я стал читать «L'Espérance»*[12]. Прочел целое посвящение à M-me la baronne de Verry**. Тут между справедливыми нападками на современную литературу проглядывает такая напыщенность и гордость, что это мне не понравилось. Потом следует предисловие. Тут такая претензия на высокий ум и столько фраз, которых мысли не в состоянии выдержать философской критики, что я заснул, кажется, на 3-й странице. Проснулся и не знал, что начать. Хватался за мою статью о христианстве— нейдет на лад. Хватался за «Кота Мурра»[13]—не читается. Принялся продолжать мой роман и писал много и устал. А вместе с тем какое-то грустное расположение ложилось на душу. Какие-то воспоминания о прошедшем, исполненном прелести, возникали в ней...

7

7-го апреля ⟨1839 г.⟩. Полночь

Мария, дитя мое. С самого утра я еще не сказал тебе ни слова. Не сердись на меня. Вот тебе повесть целого дня. Я провел его и хорошо и дурно. Но скорей хорошо, чем дурно. Как скоро отправил к тебе письмо, принялся читать «Ускока». Он очень хорош, очень хорош. Рассказ превосходен. Этот рассказ относительно искусства выше гораздо ее философских романов. Он может стать наряду с «Maîtres Mosaïstes»***[14]. В романах философических много натянутых мыслей и неестественных лиц; часто видно, как действующее лицо подводится под идею, и это портит эффект. А «Ускок» не имеет претензий. Тут все лица развиты сообразно своему характеру и выдержаны. Но странную идею породил во мне «Ускок». Какое⟨-то⟩ стремление видеть страны Востока. Такой каприз ориентализма, что я не могу дать ни тебе, ни себе отчета. Всё дальше и дальше—взошла мне в голову мысль писать поэму и таким разме-

* «Надежда» (франц.).
** Баронессе де Верри (франц.).
*** «Мастерами-мозаичистами» (франц.).

ром, каким еще поэмы не были писаны, но который, мне кажется, удивительно свойственен русскому языку. К сожалению, я так давно не читал ни одного курса просодии, что не могу назвать этот размер. Он мне понятен без названия (новое доказательство, что терминология ничего не прибавляет к науке). Не стану рассказывать тебе сюжета; лучше узнаешь, когда прочтешь. А я целый день писал эту поэму, т. е. кроме пяти часов, из которых 2 были употреблены на «Ускока», а 3 на обед, сон и визиты к Каширину[15] и Карташеву[16]. Вот почему мое сегодняшнее письмо к тебе начинается завтра, т. е. ровно в полночь. Маша, не сердись. Ведь каждый стих есть только мысль, и каждая посвящена тебе — следственно, каждый посвящен тебе, а потому и вся поэма посвятится тебе. Впрочем, сюжет вовсе ни до меня, ни до тебя не касается. Совершенно объективен. А кстати, о Каширине и Карташеве. С наших последних переговоров за мной еще более ухаживают и оказывают удивительную благодарность и уважение. Дитя я или добрый человек, не знаю, а это меня радует.—Еще скажу тебе, что у меня новая фантазия: я очень часто вспоминаю, как ты воротилась с Кавказа, и это воспоминание всегда меня сильно трогает. Но мне часто кажется, что вот, когда дверь отворится, ты взойдешь, а сердце забьется и— покажется голова Алеши, завитая на манер цирюльничьих вывесок. А я вздохну и улыбнусь. Эпиграф моей поэмы, кажется, из Жан-Поля: «Es steht eine Eiche im Norden, träumt an eine Palme, die weit»*[17].

8

⟨Белоомут.⟩ 8 апреля ⟨1839 г.⟩

... Ничего не мог делать. Поэма не писалась, роман не писался. «Оберман»[18] мне показался скучным и неестественным. Я стал ходить, и тысяча нелепостей одна другой страшнее приходили мне в голову и мучили меня. Я хотел тотчас схватить перо и писать к тебе и остановился. Зачем говорить тебе о том, что́ человек чувствует в минуту печальную; зачем туманить твою жизнь скорбными грезами? Я вспомнил мои последние 4 стиха к памяти Лев⟨ашевой⟩, стал молиться и отказался от эгоистического удовольствия записывать, что чувствуешь, хотя бы это и очень растревожило других. Тут пришел Петр Ив⟨анович⟩[19]. Я думал, что он мне свыше был послан для спасения. В простом разговоре забыл я скорбь и потом мог переправить несколько стихов из поэмы и написать несколько строк к тебе. Несколько строк, потому что я, несмотря на то, что рано, сейчас лягу спать, чтоб опять не придти в прежнее нестерпимое расположение духа и потому, что спать хочется. До завтра, Маша! А Оберман и Майер[20] ужасно похожи друг на друга, а N. S.[21] также. Это поэзия безнадежности. Бог с ней, не хочу. Верить хочу.

9

⟨Белоомут.⟩ 9 апр⟨еля 1839 г.⟩ 11 час. утра

Здравствуй, Маша! Прошла скорбь отчаянная. Я сегодня опять спокоен духом, только тихая грусть осталась в сердце. Да это уж не ново; это только значит, что я в своей тарелке. Проснувшись часов в 7, я продолжал поэму; право, есть очень хорошие стихи; я постараюсь переработать дурные ⟨...⟩ Я хочу придать другую физиономию старинному предписанию Буало: vingt fois corrigez votre ouvrage**. Но Буало холоднее смотрел на вещи, чем я. Я его не люблю. Мы только к этой мысли пришли с разных сторон и, может быть, очень удивились нежданной встрече.

Полночь. Еще несколько слов хочу сказать Марии. Теперь я все писал поэму (или повесть в стихах). Первая глава подходит к концу. Мне ка-

* «Стоит на севере дуб, мечтает о далекой пальме» (нем.).
** двадцать раз исправьте свое сочинение (франц.).

КУЛАК
Рисунок П. М. Боклевского, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

жется, будто недурно. Когда увидимся, прочтем. Если ты и N.[22] скажете, что дурно — тогда сожгу. Только время будет потеряно. Да ведь писать было весело; стало быть, труд награжден. А мне хорошая минута теперь дороже, чем когда-нибудь. Прежде ты у меня была — ты моя лучшая поэма; так я много мог начесть прекрасных минут. А теперь она мне очень дорога. Минута занятия — одна минута спокойствия, когда горе забывается. Это будто стакан вина, который веселит, а там снова тоска. И в самом деле, я иногда чувствую, что мои поэтические наслаждения натянуты, что в них я ищу забытья и всеми ⟨средствами⟩ поддерживаю душу на какой-то искусственной высоте.

10-го или 11-го апреля. Час ночи

Поздно я принимаюсь тебе писать сегодня, Мария. Давеча имел маленькую неприятность, т. е. неудачу в большом предприятии, но об этом поговорим после ⟨...⟩ Но главное дело, отчего я до сих пор не писал, это моя поэма. Первая песнь кончена. Мне пока нравится, не знаю, что̀ другие скажут ⟨...⟩ А между тем я в самом деле теперь так устал, что ничего не могу порядочного сказать: весь выписался.

10

⟨Белоомут.⟩ 11 апреля ⟨1839 г.⟩. 2 час. пополудни

Здравствуй, Меричка! Сейчас приехал, ездил верхом, смотрел Оку, еще по ней проехать можно. Завтра пошлю к тебе Алешу; дай мне ответ на следующий вопрос. Поговори об этом с N. Но больше ни с кем не

говори. Вот в чем дело: мужики никак не могут заплатить 800 000 асс. мне и 300 т. в Совет. А предлагают мне 500 000 асс. и 300 т. в Совет, и все расходы их. Я думал, что они врут и притворяются. Сказал им, что я никак не могу согласиться. Взял окладную книгу. Вот, что я начел, полагая везде излишки в мою пользу; стало, они собственно и такой суммы не могут заплатить, а будут принуждены часть занять.

Я распределяю капиталы, и след⟨овательно⟩ возможность заплатить выкуп по количеству оброка.

127 семейств платят оброку по 43 ⟨р. с⟩ семейства

42	21 р. 50 к.	{всегда с недоимкой, нищие за выкуп ничего не дадут
89	64 р. 50 к.	полагать можно за выкуп 8 000
78	86	15 000
63	107 до 150	150 000
55	150—215	220 000
22	215—250	180 000
14	250—300	170 000
8	300—350	160 000
3	350—450	70 000
4	700—900	100 000
		872 000⟨!⟩

Это, как видишь, со всевозможными натяжками. Скорей разрешите, что мне делать. Если я отпущу 10 семейств, то я могу получить 200 000, с которых 8000 доходу и 32 000 оброку с остальных. В Совет остается платить в продолжение 25 лет по 21 000; стало, наличный доход за вычетом из 40 000 — 21 000 = 19 000. Если же я всех отпущу за 500 000, то казенными процентами чистого дохода 20 000. Что полезнее, что благороднее, что добрее, что чище? Скорей отвечайте. Это меня мучит. Я, может, чего-нибудь не досматриваю. Скорей отвечайте, ради бога. Если я отпущу, то будет ли это святое дело? Если я не отпущу, то буду ли я каналья? — Скорей отвечайте. Это меня мучит. Скажи N., что он ошибается, если думает, что рано отпускать, потому что надо прежде поправить бедных. Я это думал, но это ложь. На воле скорей поправятся, к тому же у свободн⟨ых⟩ хлебопашцев повинностей 2—50 с души в год и только.— Так отвечайте же по совести. Ты — по совести, а не по расчетам. N.— по совести, а не по системе. Отвечайте. Никому об этом не сказывай.

Если отпустить, то вот еще расчет. Низовые именья не должны хлопотать о казенных процентах, потому что тогда процентов останется 16 000. Стало, из белоомутского выкупного капитала еще 4000 казен⟨ных⟩ проц⟨ентов⟩ лишних. Тогда я пенз⟨енские⟩ именья устрою, и будь я ничтожный человек, если через 4 года всё не будет выкуплено и через 12 л⟨ет⟩ всё приведено в то положение, к которому клонятся все мои труды.

800 т. ассиг. составляют миллион. 500 т. ассиг. составляют 600 т. 20 т. ассиг. составляют 25 т. А 4 т. ассиг., которые останутся от платежа процентов за пенз⟨енские⟩ именья, составляют 4900 р.

9 час⟨ов⟩ вечера

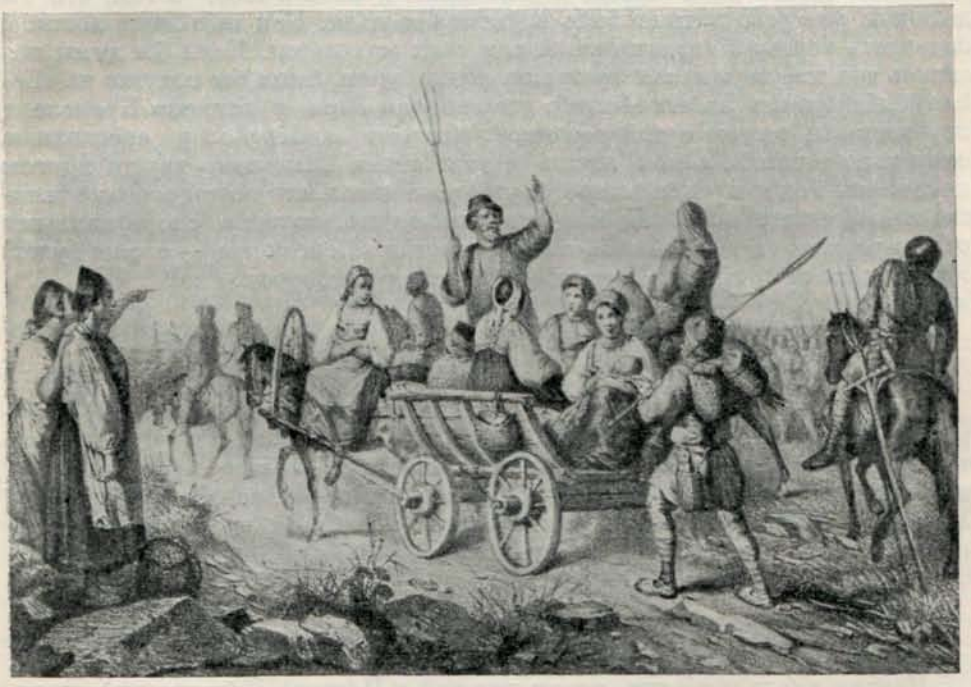
Я сегодня начал вторую главу поэмы. Что-то мне слишком легко пишется. Это заставляет меня сомневаться в достоинстве труда. Мне очень будет жаль времени, если труд этот ничего не стоит. Я бы желал его показать кому-нибудь, чтоб мне сказали да или нет. Но ты знаешь, что попы и Петр Ив⟨анович⟩[23] не великие ценители достоинства литературного

произведения. Тяжело одиночество, Маша. Представь себе музыканта, который бы играл в такой зале, где звук не разносится ⟨более чем?⟩ на два шага, а слушатели сидят далёко, далёко. И если же к тому музыкант сомневается, хорошо он или дурно играет. Вот так и я.

11

⟨Белоомут.⟩ 12 апр⟨еля⟩ 8 час.

...Признаюсь, мне почти всё равно, но я чувствую, что мне пора быть в Москве, и если в самом деле пора, то оно и будет, независимо от людей, действующих pro и contra*.



ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОКОСА
Автолитография Л. К. Плахова, 1845—1846 гг.
Исторический музей, Москва

Но зачем ты теперь хочешь ехать в Петер⟨бург?⟩Может, оно и не время... А потом я должен один воротиться. Но делай как хочешь, я тебе уж это писал. Что должно быть, то будет. Но не мечи благородной гордости человеческой к ногам сильных. Лучше даль, даль снеговая, чем это... И так уже у меня на душе пятном лежит некоторое послание[24]. Ради бога, pas de prostitution de l'âme**. После неудачи каково будет сознать в душе своей подлость. Ха, ха, ха! Да от этого можно в иной час расшибить голову о камень. Потом же всё это значит скакать в страну лжи за ложным благом ⟨...⟩

Отвечай же мне на вопрос о крестьянах; он меня будет мучить, след⟨ственно⟩ отвечай поскорей. Если да, то присылай бутылку шампанского. Впрочем, и за 500 т. асс. дело состоится не прежде года или двух, а до тех пор я буду в Москве непременно. Мне кажется, что с этим сопряжена необходимость быть в Москве непременно, а если так, то я и буду в Москве.

---

* за и против (лат.).
** только без душевного разврата (франц.).

Святое дело я сделаю, если сделаю. Вот уж это будет доказательство, что благородство во мне не есть абстракт головы, а действительно живет в сердце.

12 апр⟨еля⟩ Полночь.

Когда П⟨етр⟩ И⟨ванович⟩ ушел, я опять принялся писать поэму. И в ней дошел до происшествий души моего героя печальных. И самому стало еще грустнее. Мне уж начинает казаться, что уж и я, так же как он, обижен природой. Что и мне так же тяжело от этого. Его любовь к существу отдаленному я принимаю за свою, потому что и ты от меня далёко. И вот всё ты мелькаешь в воображении. Половина стиха вырвется, а тут явится эпизод из собственной жизни, и я начинаю думать о тебе, о том, что ты делаешь, как тебе должно быть грустно без меня. Как тебе люди должны надоедать вечными сплетнями. А там стих кончается. Если бы думы писались тут же, то моя жизнь и моя поэма очень были бы похожи на «Lebensansichten des Katers Murr»*, где записки Кота и записки Крейслера перемешаны; только с той разницей, что Кот и Крейслер составляют один целый роман, а моя жизнь и моя поэма нисколько друг с другом не связаны в одно происшествие. Я тебе уже писал, что сюжет совсем объективный. Я спешу поскорей кончить, потому что, кажется, скоро настанет разочарование в достоинстве стихов, и тогда adieu, конец — его не будет. Куй железо пока горячо. Вот тебе и русская поговорка.

12

⟨Белоомут.⟩ 13 апр⟨еля 1839 г.⟩

Вот тебе несколько поручений, чтоб не забыть, скажу теперь. 1) Портрет Александра. 2) Crucifix**. 3) Bible traduite par Cahen***[25], если нет, то выпиши. 4) Грамматику польскую и сочинение *Мицкевича* («Dziady»**** и «Крымские сонеты»)[26].—Вот и всё. Да, еще Heine—«Buch der Lieder»***** Какие-то книги ты мне еще присылаешь! Иногда я чувствую большую потребность в романе, еще не известном.

13

⟨Белоомут.⟩ 16 апр⟨еля 1839 г.⟩. 8 час. вечера

Поутру я был у обедни, потом пил чай у П⟨етра⟩ И⟨вановича⟩, потом поправлял и переписывал 2-ю главу поэмы. Потом был в гостях у старика Набатова; потом был на имянинах у Карташева и разговаривал с протопопом. Ты не поверишь, как эти люди еще невежественны. Наконец, я дома. Могу писать к тебе, Маша, душа сильно тоскует. На улицах песни, русские унылые песни. Я отворил окошко. В этих звуках есть что-то родное и такое печальное, что они мне нравятся.

14

⟨Белоомут.⟩ 18-го апр⟨еля 1839 г.⟩

Милая Мери! Как пасмурно сегодня. Верно, мне будет грустно. Если не приедет Ал⟨еша⟩, будет и очень грустно. 5 дней без твоего письма—это несносно. Как скоро будет переезд, пошлю ямщиков.— Как я давно ничего не читаю; только и могу писать. Морошкин[27] сказал бы, что для меня настала эпоха экспансивности и при этом сделал бы жест кулакосжатия

* «Житейские воззрения Кота Мурра» (нем.).
** Распятие (франц.).
*** Библию в переводе Каэна (франц.).
**** «Деды» (польск.).
***** Гейне — «Книгу песен» (нем.).

к себе и кулакоразжатия от себя. Ты его не знала. Это один из тех людей, которые делаются безумными от логических выводов и философско-поэтических метафор, от этого они Европе пророчат полигамию, а их самих давит Эльбрус всей тяжестью своей, когда они на него смотрят. Жалки все эти люди на ходулях. Не так выражается истинное вдохновение. Истинное вдохновение не говорит того, чего нет, а только то, что есть. Так ведется от «Магабгараты»[28] до наших дней. Тут ты найдешь Гомера, которого принцесса везет белье в тележке и находит в тростнике нагого Одиссея — и всё это имеет прелесть высокой наивности. Тут ты найдешь: «Рече и бысть, повеле и создашася»[29]. Найдешь Шекспира и Гёте, и сюда же можно включить

...Простой помещик, добрый барин,
И надпись так его гласит:
. . . . . .Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир [30].

Заметь, что все великие поэты наивны. Шиллер некогда разделил поэзию на сентиментальную и наивную (романтическую и классическую). Мне кажется, это несправедливо. В поэзии наивность и истинность — одно и то же. Наивен Гомер в принцессе-прачке; но наивен и Гёте в Вертере. Гюго гонялся за наивностью, да уж если кто за чем гонится, то это выходит неестественно, даже не наивно. Но к чему я пишу это рассуждение? В таком благоразумном расположении духа имею честь находиться.

15

⟨Белоомут.⟩ 21 апр⟨еля 1839 г.⟩ 10 час. вечера

Завтра еду чем свет. Рад, рад, люблю — вот больше ничего не умею сказать. Я не то что схожу с ума, а просто с ума сошел. И поэма еще не докончена, а я еду. И писать не хочется. Только и знаю, что еду к тебе. Как я упадал духом в последнее время и как я воскрес!

Белинский отчасти прав в том, ⟨что⟩ сказал, отчасти не прав[31]. Il y a du vrai et du faux*.

16

⟨Село Чертково⟩ 26 ⟨мая 1839 г.⟩ 10 час. вечера

...Итак, ты теперь аристократка, ты даже, может быть, желала бы видеть свадьбу ее и⟨мператорского⟩ в⟨еличества⟩. Поздравляю с этой переменой. Да как же ты уживешься с таким плебеем, как я[32]? — О, Маша, прости, я не знаю, что говорю, но мне больно, больно, мне кажется, что всё, что в тебе было доброго, исчезнет, умрет от этого света, который блестит, как снег, и так же холоден. О! больно, больно, Маша, слов нет выразить, как больно. Этой ценой я не хотел бы купить своего прощения. Неужели все благородные чувства были только на языке и круг ничтожных аристократов может погасить в душе всё, что в ней было зажжено богом? Ужасно! О скорей, скорей приезжай, Маша, реши сомненья — сил нет, душа замирает. Ужасно, невыносимо[33]!

[1] *Алифанов — сосед Огарева, владелец села Нижний Белоомут; бывший крестьянин этого села, выслужившийся из солдата до штаб-ротмистра.*

[2] «Histoire de la philosophie allemande depuis Leibnitz jusqu'à Hegel» par Barchou de Penhoën, v. 1—2. P., 1836. См. отзыв Герцена о книге Баршу в письме к Н. Х. Кетчеру от 7 февраля 1839 г. (II, 240).

[3] *Е. Г. Л.*— Екатерина Гавриловна Левашева (рожд. Решетова), двоюродная сестра декабриста И. Д. Якушкина, близкий друг П. Я. Чаадаева и Н. Х. Кетчера. Приняла участие в судьбе Герцена и Огарева после их ареста.

* Тут есть верное и неверное (франц.).

[4] Отец Н. И. Надеждина, известного критика и журналиста.

[5] *Дема* — слабоумный крестьянин села Верхний Белоомут.

[6] *Эрн* Гавриил Каспарович — брат Марьи Каспаровны Эрн (Рейхель).

[7] *Луиза Иван‹овна›* — мать Герцена.

[8] *N.*— Н. Х. Кетчер.

[9] *А‹лександр›* — Герцен.

[10] *Большим намерением, большим делом* Огарев называет план отпуска белоомутских крестьян и устройство крестьян других принадлежавших Огареву имений.

[11] *Сысонин* — повидимому, поверенный Огарева по управлению домом отца в Москве.

[12] О каком произведении пишет Огарев, установить не удалось.

[13] *Кот Мурр* — роман Э. Т. Гофмана «Житейские воззрения Кота Мурра».

[14] Романы Жорж Санд «L'Uscoque» и «Maîtres Mosaïstes», напечатанные впервые в журнале «Revue de Deux Mondes» в 1833—1838 гг.

[15] *П. Каширин* — крестьянин села Верхний Белоомут. В 1877 г., в качестве волостного старшины Белоомута, узнав о смерти Огарева, созвал крестьянский сход, чтобы почтить его память.

[16] Фаддей Семенович *Карташев*— крестьянин села Верхний Белоомут. Еще в 1837 г. Огарев добился освобождения от крепостной зависимости Фаддея Семеновича, его сыновей — Николая, Василия и Ивана и его внуков — Карпа, Димитрия и Павла Васильевичей (по материалам Рязанского обл. архива, сообщенным редакции «Лит. наследства» В. А. Максимовым).

[17] Огарев ошибся: он цитирует не Жан-Поля Рихтера, а известное стихотворение Г. Гейне («Ein Fichtenbaum steht einsam...») и цитирует неверно.

[18] «*Оберман*» — роман французского писателя Этьена Пивера де Сенанкура (1770—1846). Белинский относил этот роман к числу произведений, продолжавших разработку образа Вертера, «этого родоначальника слабых, болезненных натур, которыми всегда так обильны переходные эпохи» (В. Г. Белинский. Собр. соч., т. X, стр. 475).

[19] *Петр Ив‹анович›*—Ракитин, крестьянин села Верхний Белоомут; был освобожден Огаревым от крепостной зависимости в 1837 г. вместе с сыновьями Тихоном и Николаем.

[20] *Н. В. Майер* — врач; в тридцатых годах служил при штабе командующего войсками Кавказской линии ген. Вельминова. Огарев познакомился с ним на Кавказе в 1838 г., как с ближайшим другом Н. М. Сатина. Радикализм политических взглядов Майера носил ярко выраженный христианско-мистический характер. О докторе Майере см. статью в «Лит. наследстве», т. 45-46, 1948, стр. 473.

[21] *N. S.*— Н. М. Сатин.

[22] *N.*— Н. Х. Кетчер.

[23] *Петр Ив‹анович›* — Ракитин (см. примеч. 19).

[24] Речь идет о хлопотах, предпринятых М. Л. Огаревой в Москве, а затем и в Петербурге, с целью освободить Огарева из ссылки. По ее настояниям 25 января 1839 г. Огарев обратился с письмом к Бенкендорфу («Мир божий», 1906, № 4, стр. 136—137).

[25] *S. Cahen* (Каэн) — парижский издатель библии, выходившей в тридцатых — сороковых годах. Огарев имеет в виду издание: «La Bible», trad. nouvelle avec hébreu en regard par S. Cahen.

[26] Это — самое раннее упоминание о Мицкевиче в переписке Огарева. Известно, что Огарев относился к Мицкевичу с большой любовью. Он перевел на русский язык некоторые стихотворения польского поэта и включил прозаический перевод стихотворения «К русским друзьям» в издание «Дум Рылеева», выпущенных им и Герценом в 1859 г. в Лондоне. Вероятно, под впечатлением поэзии Мицкевича и, в частности, поэмы «Дзяды» («Деды») Огарев написал поэму «Царица моря» (литовское предание), которую исследователи поэзии Огарева относят именно к концу тридцатых годов.

[27] Федор Лукич *Морошкин* (1804—1857) — профессор кафедры российских гражданских законов Московского университета.

[28] «*Магабгарата*»— древнейший индийский поэтический эпос.

[29] Изречение из библии о «сотворении мира».

[30] Неточно, по памяти приведенная цитата из главы второй «Евгения Онегина»: «Он был простой и добрый барин...» и т. д.

[31] По всей вероятности, через Н. Х. Кетчера Огарев переслал Белинскому какие-то свои стихи, быть может законченные главы поэмы, которую писал в это время. Вероятно, отзыв Белинского сообщила Огареву Марья Львовна.

[32] Тяготение М. Л. Огаревой к «светской жизни» явилось одной из серьезных причин, приведших впоследствии к полному разрыву с нею Огарева.

[33] Этот отрывок взят из письма Огарева к Марье Львовне, которое уже не относится к белоомутскому эпистолярному дневнику. Оно было написано Огаревым после получения им от Марьи Львовны известия из Петербурга о том, что ее хлопоты закончились успешно и Огареву разрешен перевод на службу в Москву. Неизбежный разрыв Огарева с женой, который он всячески стремился предотвратить, стал теперь очевиден. Марья Львовна окончательно порвала с идейными интересами мужа и его друзей, увлекшись светской жизнью.